1972 г.

8 0 5

МРТУ 19 № 183--65

студия
ДИАФИЛЬМ

А. Неверов

ТАШКЕНТ — ГОРОД ХЛЕБНЫЙ

ХУДОЖНИК В. ТУРЕНКО

Вы, ребята, наверное, знаете о страшном голоде в Среднем Поволжье. Это было в 20-х годах. В ту пору Мишке Додонову, герою повести писателя Александра Неверова, крестьянскому парнишке из голодного Бузулукского уезда, шёл всего тринадцатый год. Вот о том, как Мишка вступил в борьбу со смертью, как устоял в этой борьбе, как выжил,– расскажет вам этот диафильм...

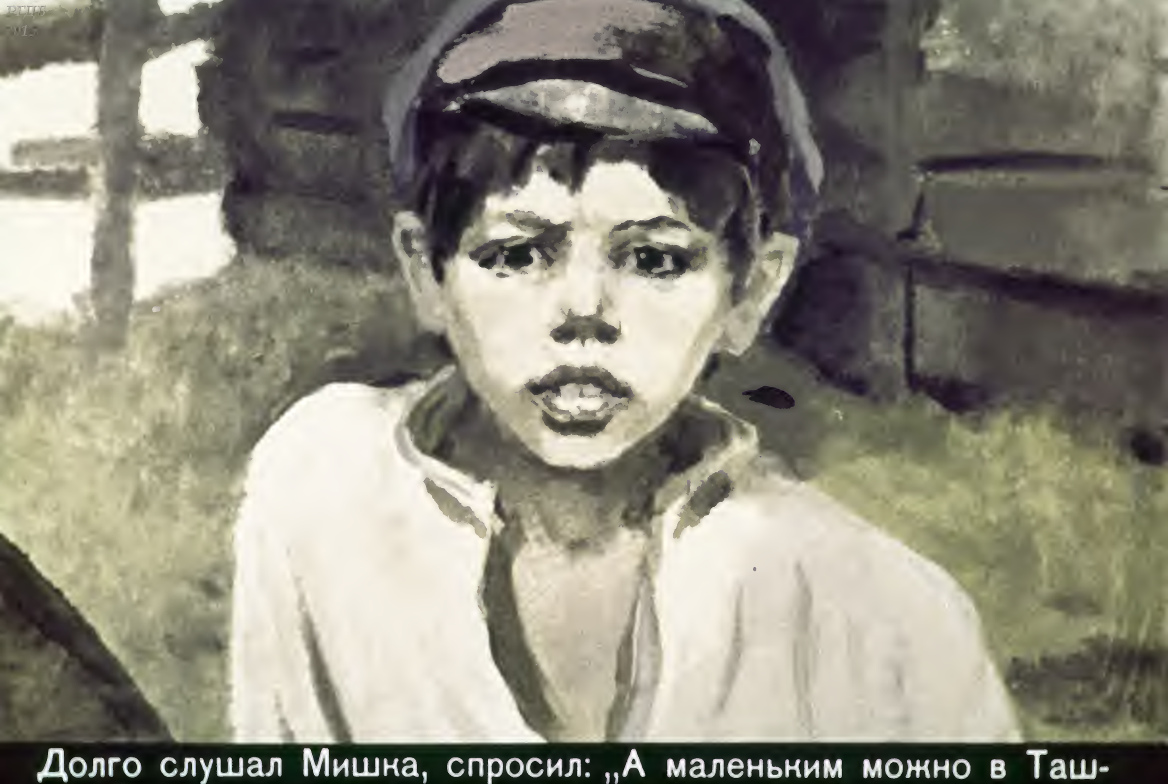
Дед умер, бабка умерла, потом – отец. Остался Мишка за хозяина в доме – только с матерью да двумя братишками. Мальцы хлеба просят, а мать с голодухи прихварывает, охает, встать не может.

А голод никого не жалеет. То мужика на кладбище снесут, то мальчонку. Были лошади с коровами, и их поели. Начали собак и кошек ловить.

Вышел на улицу Мишка, мужики Ташкент поминают. Говорят, хлеб дешёвый там, да добраться трудно: туда две тысячи вёрст, оттуда две тысячи. А поезда ходят редко, и на билет много денег нужно.

Долго слушал Мишка, спросил: „А маленьким можно в Ташкент?“ – „Али ехать хочешь? – смеются мужики. – Куда тебе. Не такие головы назад вертаются. Порасти ещё годков пяток“.

Крепко засело в Мишкину голову: Ташкент – город хлебный. Увидал дружка своего Серёжку Карпухина, обрадовался: „Айда двое в Ташкент? Двоим веселее. С одним что случится – другой поможет. Всё равно не прокормимся здесь“.

Серёжка нерешительный: „Не доедем“. – „Доедем, только не бойся! А что маленькие, так это даже лучше, никто не тронет, и билетов не нужно: ляжем под лавку – никто не увидит!“

Недолго собирался Мишка. Взял хлеба травяного кусок, ножик складной; мать старую бабушкину юбку дала для продажи да два мешка: „Можа, зерном маленько привезёшь – посеем".–Попрощался с матерью и братьями – и за порог.

На полях стояла тишина. Лишь гудели провода на телеграфных столбах, уходящих вперёд длинной вереницей. Там, за столбами,– станция. На станции – чугунка.

Вот и чугунка. Сейчас поезд отойдёт, да только как вскочишь? Кинулись Мишка с Серёжкой к одному вагону, другому – везде битком. – „Давай на крышу!" – командует Мишка.

Влез Мишка на вагонную крышу, а там уже мужик с двумя мешками сидит. Спрашивает: „Ты куда?" – „В Ташкент мы с Серёжкой". – „Слезай скорее, это не в Ташкент, это в Сибирь. Прыгай!" – Вот тебе на...

А поезд уже трогается. И Серёжка внизу возле колеса бегает. Хотел ухватиться Серёжка за приступок вагонный, а вагон всё быстрее, быстрее. Спутался ногами Серёжка, полетел вниз головой. Смотрит сверху Мишка, а сделать ничего не может.

Хорошо, тут поезд потише пошёл, должно, не смог одолеть сходу крутой подъём. Спрыгнул Мишка на землю и что есть духу назад, к станции.

Сидит Серёжка на земле, плачет. Рассердился Мишка: „Чего плачешь?"–„Есть хочу". – „А мешок твой где?" – „Не знаю." – „Эх, растяпа. Связался я с тобой". – Пришлось Мишке делиться своим хлебом. Нечего делать, уговор был: помогать друг другу во всём.

Ночью подали поезд ташкентский. Поднялись мужики с мешками, поднялись бабы с ребятами. Повалили к поезду.

А в вагоны опять не пускают — некуда. Лезут люди на крыши, на буфера между вагонами — негде Мишке с Серёжкой пристроиться.

Добежали они до паровоза – дальше бежать некуда. А на паровоз мужик с бабой тихонько лезут. Подсадил Мишка товарища, в спину толкнул: „Лезь!“ – И сам полез.

И вдруг как свистнет у них над головой, как дёрнет, а внизу под ногами: Ф-фу! ф-фу! — „Батюшки."

Сначала тихонько ехали, потом всё шибче да шибче. Поглядел Серёжка маленько вперёд, в ужасе отшатнулся: навстречу — чудовище с огненными глазами, сейчас расшибёт! А чудовище мимо — жж-ж! Пронесло...

Ехали долго. Бежали мимо поля, овраги, деревни. Рад Мишка, что едет. Толкает Серёжку в бок: „Едем!“ – А Серёжка невесел, жалуется: в животе крутит и голова горит.

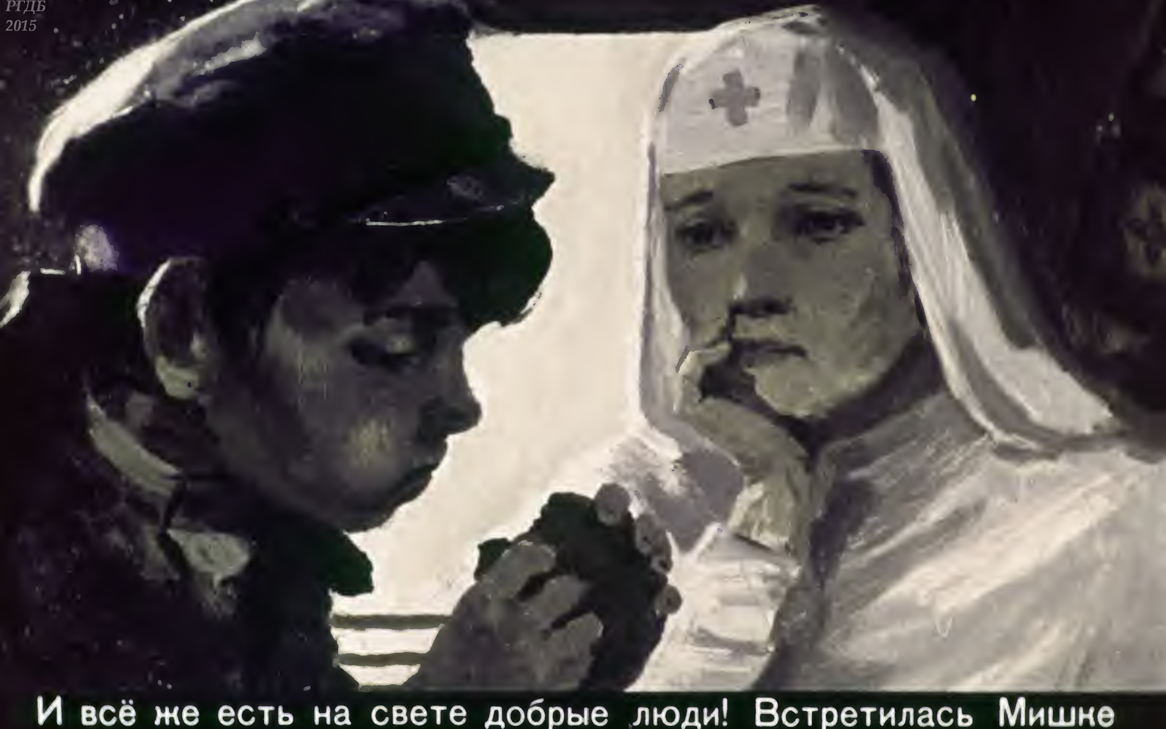
В полдень приехали на какую-то станцию: дальше поезд не идёт. Слезли, а Серёжка и вовсе идти не может: ноги подкашиваются.

Оставил Мишка товарища на вокзале, пошёл добывать хлеб: со вчерашнего дня ни крошки во рту. Да только разве он один такой здесь? Тут люди неделями маются, уехать не могут. Кто тут подаст?

За станцией баба варила щи.–„Тётенька, дай хворому мальчишке маленько".–„Иди, пока я тебе в глаза не плеснула. Доняли, черти!"–Охнул Мишка, ничего не сказал.

И всё же есть на свете добрые люди! Встретилась Мишке сестра медицинская, отломила хлеба кусок, приласкала. Рассказал ей Мишка про больного товарища, а она говорит: „Покажи мне его“.

Осмотрела Серёжку. А тот уж без памяти. – „Тиф у него. Вагон у меня полон больных, а всё-таки и его придётся взять. Доедем до другой станции, в больницу положим“. – „Тётенька, посади меня в уголок!“

Есть на свете хорошие люди! Сидит Мишка в санитарном вагоне, и сыт маленько, и колёса под полом стучат – даже не верится: сон такой видит или наяву происходит?

В городе взяли Серёжку в больницу. Опамятовался он, заплакал: „Куда меня?“ – Мишка ему: „Больница здесь, не бойся“. – „А ты где?“ – „Здесь, с тобой. Я один не уеду. Подлечишься – вместе поедем. Понял?“

Вот и остался Мишка один. И товарища жалко, и есть хочется – сил нет. Целый день шатался Мишка по базару, слушал, сколько просят за разные вещи. Вытащил было и сам бабушкину юбку...

...да услышал разговор: „За Ташкентом, к Самарканду ближе, хлеб и вовсе дешёвый: за сапоги четыре пуда дают, за юбку какую и ту – полтора-два пуда". – Спрятал Мишка юбку. Шутка: полтора-два пуда! – „Вытерплю".

Спит Мишка, голодный. Мешки под голову положил. Спит и видит во сне Ташкент чудесный и два мешка с хлебом, который он выменял на бабушкину юбку. И сам он, Мишка, сыт и весел...

Утром вскочил: нет мешков под головой. Господи! Подогнулись ноги, размякли. Не мешки украли – последнюю надежду...

Пришёл Мишка в больницу – и тут, как обухом: „Умер твой Серёжка, нет его“. – „Как умер?“ – „Не знаешь, как умирают? Зарыли Серёжку“.– Заплакал Мишка.

Встала и над Мишкой сухая, голодная смерть. Стучала смерть молотком в виски, в уши нашёптывала: „Не плачь. Много таких, помочь – некому. Как Серёжка умер, так и ты умрёшь“.

Да видно, под счастливой звездой родился Мишка – везло ему на хороших людей! Проходил тут начальник дорожной милиции, Дунаев по фамилии, увидал мальчишку. – „Ты что здесь валяешься? Никак помирать надумал? Не годится, брат. Шагай-ка за мной помаленьку“.

Доро́гой узнал он про Мишкины беды и, когда пришли в отделение, приказал накормить мальчишку да сунуть на ближайший ташкентский поезд.

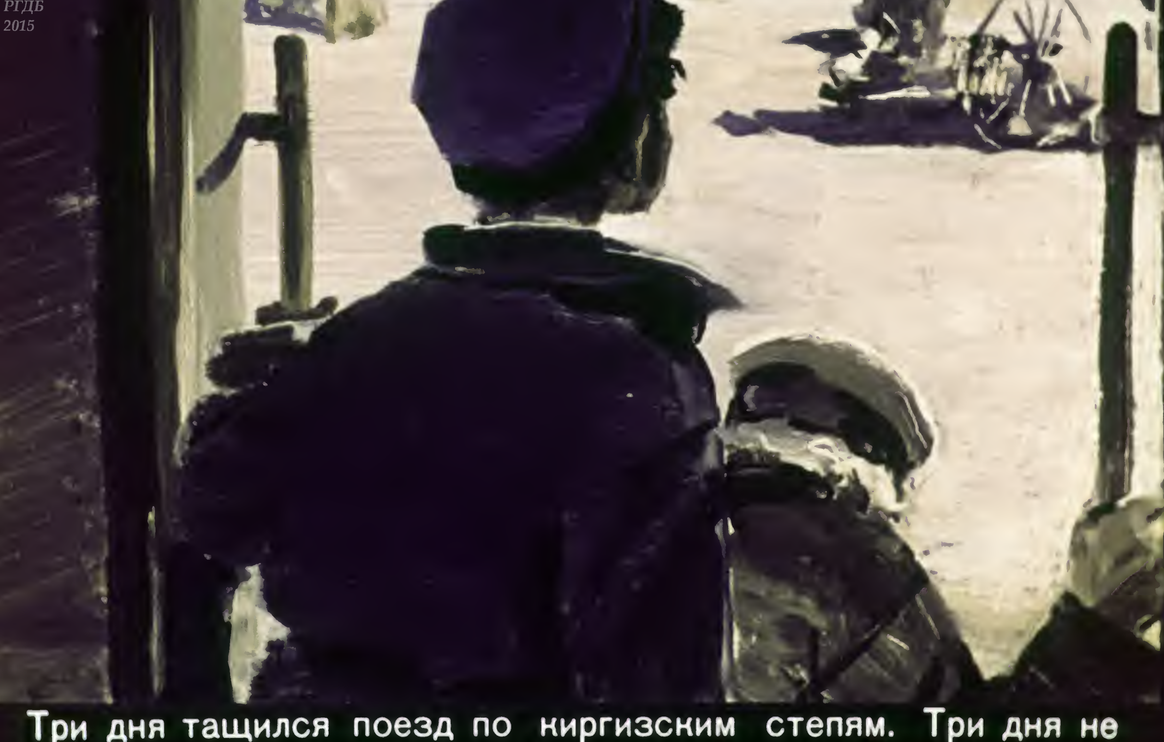
Лежит Мишка в битком набитом вагоне; думает о том, как приедет в Ташкент, как будет на хлеб зарабатывать, никакой работой не побрезгует. Весело сытому думать! Да только слышит такой разговор...

–„Выкинуть надо мальчишку. Хорошо настоящего человека посадить, который заплатит, а с этого что взять?“ – „Боязно, начальник посадил. Можа, он родственник ему какой“.

Сменнул Мишка, в чём дело. Утром стали пытать его мужики, кто он да что, он и соври: еду, мол, к дяде в Ташкент, он комиссаром там. Если что нужно кому – могу словечко замолвить. Поверили мужики, стали ласковы: вдруг и правда мальчишка поможет чем?

Три дня тащился поезд по киргизским степям. Три дня не вылезал из вагона Мишка, боялся, а вдруг не пустят мужики обратно в вагон? На станциях мужики меняют одежду на хлеб. Надо ведь и Мишке хлеба.

Оцепили киргизы Мишку, торгуют: кто ножик его, кто картуз, кто пиджак. Кричит Мишка: „Дёшево не отдам!“ – И видит вдруг: вагоны трогаются!

Кинулся Мишка к вагонам, да где там! Прямо на глазах уходят вагоны. Увидел подножку на тормозной площадке, схватился обеими руками — так и дёрнуло Мишку вперёд.

Втащил его на площадку кондуктор, сердито сказал: „Убиться хочешь?" – Потом ещё сказал: „Надоели вы мне. Едут, едут. Чего едут? Хлеба вам там припасли, растопырьте карманы".

Ночью пришлось слезать. Опять осаждали поезд толпы голодных людей. Поторкался Мишка в запертые вагоны – даже не отзываются, черти. Плюнул. Пошёл. А идти некуда. Станция маленькая – пропадёшь здесь...

Мишка не помнил, сколько времени шёл он вдоль рельсов, не помнил, когда ночь перешла в день, всё шёл и шёл, зная, что будет идти до тех пор, пока не умрёт.

Напрягает Мишка последние силы, пересчитывает столбы телеграфные: дойдёт до двухсот и снова считает... Вот ещё впереди какая-то станция. Что его ждёт здесь?

Снова повезло Мишке на хорошего человека! Довёз его товарищ Кондратьев, машинист, на паровозе до самого Ташкента: „Вылезай, Михайла! Вот твой Ташкент. Устраивайся хорошенько. Счастливый путь тебе!“

И начал Мишка устраивать свою ташкентскую жизнь. Работал в садах, на полях, в знойной степи, – молотил пшеницу, резал камыш. Трудно было, а всё-таки не пропал Мишка, всё вытерпел, перенёс: и жару, и грязь, и болезни. Не за свою только жизнь боролся он: думал о матери и братишках, ждавших его в родной деревне.

Поздней осенью на маленькой станции между Бузулуком и Самарой соскочил с ташкентского поезда крепкий загорелый мальчишка с двумя мешками зерна, степенно сказал: „Холодно как у нас! Должно, к заморозкам..“ – Это был Мишка.

КОНЕЦ

Сценарий В. Савченко
Редактор Г. Витухновская
Художественный редактор Л. Усайтис

Студия „Диафильм", 1970 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Д-073-70
Цветной 0-30